

*Посвящается всем погибшим
от рук серийных убийц*

Примечание издателя:

Некоторые имена изменены для защиты неприкосновенности частной жизни связанных с этой историей людей.

«Несчастливые цепляются за тени и, предаваясь удовольствиям, в коих им отказывает истина, искусно погружаются во всевозможные иллюзии».

*Маркиз де Сад,
«Преступления любви,
или Безумства страстей»*

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРЕСЛЕДУЕМЫЙ
И
ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ

«Поклянись Сатаной, что не будешь кричать».

– **НОЧНОЙ ОХОТНИК**

Глава 1

В центре Лос-Анджелеса, у автовокзала компании «Грейхаунд», с наступлением темноты становится очень опасно. Пестрый легион воров, грабителей, барыг, чокнутых, торчков, алкоголиков и десятидолларовых шлюх кружит, слово стая голодных акул в поисках истекающих кровью. В этих труппах люди часто спят на грязных, кишасих паразитами улицах, прямо там, куда повалились накануне вечером. Будь у великого, грандиозного Города ангелов задница, ею по праву следовало бы считать район автовокзала «Грейхаунд».

Именно отсюда и явился он, безымянный и оживающий ночами, бесшумный и смертоносный, как цианистый газ. Всегда в черном, в черной бейсболке с низко надвинутым на лоб козырьком, даже носки и туфли у него были черные. В таком наряде он передвигался, скрываясь в тени, смешиваясь и сливаясь с ней, практически незаметный, пока не оказывалось слишком поздно. Полдевятого вечера 27 июня 1984 года он купил два грамма кокаина у Роберто, тощего колумбийца, продававшего порошок в небольшом сквере со скамейками и пальмами прямо перед автовокзалом. Сказав: «Два грамма», он пожал Роберто руку, после чего кокаин оказался у него в ладони. За день Роберто обменивался рукопожатием с десятками людей и умел передавать наркотик незаметно, точно фокусник.

Этим вечером человек в черном приехал на угнанной темно-синей «Тойоте». Его машина особого внимания не привлекла: большинство людей в районе подпольной империи

унижения и преступности в центре Лос-Анджелеса занимались своими делами. В этих местах ничего не стоило затеряться. Повсюду были отели с номерами, сдаваемыми на одну ночь за восемь-двенадцать долларов без вопросов и удостоверений личности. Несколько дней подряд он блуждал по таким гостиницам, как «Хантингтон», «Сесил», «Росслин», «Форд» и «Фронтир», убивался кокаином, не ел и не спал, подчиняясь лишь зависимости и агонии своего психоза.

Однако сегодня на кокаин ушли последние деньги, и употребить ему придется под открытым небом. Он сел в машину, проехал несколько кварталов и припарковался. Зловещие, смрадные, воняющие мочой улицы и переулки он знал как свои пять пальцев. Места, где его не побеспокоят, он присмотрел заранее. Он вышел из машины и направился к заднему двору заброшенного здания неподалеку от Пико Хаус¹, страдающий и спешащий ввести в организм наркотик.

Из аккуратно сложенного кусочка алюминиевой фольги он достал два из четырех блестящих кристаллов и положил их в обрезанную банку «Пепси», которую нес в маленьком бумажном пакете. Затем влил в банку столовую ложку бутилированной воды; кокс быстро растаял и растворился. Ловко орудуя длинными сильными пальцами, он вынул из пакета шприц и набрал в него воду с кокаином. Потом обвязал жилистый бицепс левой руки жгутом и подождал, пока набухнет вена в изгибе локтя.

Стояла безоблачная жаркая летняя ночь. Что-то видеть он мог только в свете уличного фонаря. Вспугнутые его присутствием, засуетились крысы. Когда вена выступила толстым пурпурным червем, он развязал жгут и медленно ввел наркотик по вене.словно мчащийся поезд, несущийся навстречу катастрофе, кокаин устремился к его мозгу и конечностям. Он положил аксессуары и кристаллы обратно в сумку, спрятал ее и поспешил к машине — наркотик обострил его ощущения, расширил зрачки.

¹ Историческое здание в центре Лос-Анджелеса. (*Здесь и далее — прим. ред.*)

Покрываясь испариной, он принялся курсировать по центру города, разъезжая по грязным, душным улицам, думая о шляхах, о сексе особого рода. Но для этого требовались деньги.

По роду занятий он был грабителем и стал в избранном ремесле профессионалом. Он умел проникнуть в любой дом, даже оснащенный системой сигнализации, хотя тревожных сирен и собак старался избегать. Он накручивал расширяющиеся круги вокруг автовокзала. Гоняя, он слушал хэви-метал — «Джудас Прист», АС/DC, «Блэк Саббат», Билли Айдола. Безумные ритмы и зачастую жестокие тексты его заводили. В музыке, с которой он сроднился и сделал своей, для него скрывались важные послания. Он считал, что песня Айдола «Глаза без лица» — об убийце в автобусе — очень точно отражает его мысли. Сбросив угнанную и разыскиваемую полицией машину и возвращаясь в центр города, он нередко воображал, как убивает едущих в автобусе людей.

Он вернулся в переулок в третий раз, принял остаток кокаина и продолжил поездку. Он увидел нескольких уличных хулиганов, притормозил и помахал рукой, но ни один из них не вызвал у него желания остановиться.

Деньги! Чтобы получить желаемое, ему требовались деньги.

Веда машину и наблюдая за людьми, идущими по тротуарам Мэйн, Бродвея и Спринг, и сидящими в машинах, пережидая красные сигналы светофоров, он думал о жестоком сексе и доминировании. Для совершения успешного убийства важно правильно выбрать время и место. Впоследствии он разоткровенничается: *«Хорошему убийце нужно все тщательно спланировать. Когда придет время нанести удар, надо быть готовым ко всему, нельзя позволить себе колебаться».*

Под воздействием кокаина время летит быстро, и вскоре силы начали его покидать. Приливы эйфории, с которой он гонял по улицам, спадали, сменяясь нервной тревогой, облегчить которую могла только еще одна доза кока.

Он выехал на шоссе № 10, миновал несколько съездов, свернул на Альгамбру и стал искать благоприятную возмож-

ность. Ничего не найдя, вернулся на автостраду и направился в Гласселл-Парк — небольшую общину численностью 42 тысячи человек, где живут низкооплачиваемые работники. Он ехал наобум и без карты, темные его глаза вглядывались в ночную тьму, ища место, где можно выйти, взять желаемое и уехать.

Он припарковался на Чепмен-стрит, идущей параллельно пологим тихим холмам Мемориального парка Форест-Лаун. Несколько минут посидел в машине, сосредоточился, надел темные садовые перчатки и удостоверился, что его никто не видит. Убедившись, что за ним не следят, — а на подобное у него был нюх, — он вылез из машины и широким бесшумным шагом пошел, держась в тени, вдоль темно-зеленой кладбищенской ограды.

Чернильно-темное небо над ним мерцало сияющими звездами. Казалось, свет звезд и уличных фонарей своеобразной глазурию покрывал ухоженные надгробные плиты, расположенные аккуратно, как по линейке. По ночному небу мчались прозрачные, точно марля, шелковистые облака, на миг закрывая звезды. В голове у него звучал волчий вой. Он воображал, что идет сквозь густой туман.

Он остановился перед не слишком ухоженным розовым двухэтажным жилым домом, пятнадцати метров шириной и пятидесяти длиной. Постройка напоминала казарму, справа к заднему двору вела подъездная аллея. От нее шли квартиры: пять на втором этаже, пять — на первом, соединяла их ржавая металлическая наружная лестница.

Он прошел во двор, изучая двери и окна взглядом смотрящего через лупу опытного ювелира. Он быстро решил не вламываться в одну из задних квартир. Если что-нибудь пойдет не так, он окажется в ловушке. Он вернулся в направлении Чепмен-стрит и остановился у квартиры № 2, где жила семидесятидевятилетняя Дженни Винкоу.

С редеющими, белыми как соль волосами, ростом Дженни была 175 сантиметров и весила 86 килограммов. У нее было два сына: Джек, живший в девятой квартире сверху, и Мэнни, в Бенсонхерсте, Бруклин. До 11 ноября 1981 года

Дженни жила в Бруклине с Мэнни. У Мэнни, как позже скажет Джек, было «расстройство психики», и он часто ссорился с матерью. Даже несколько раз ее ударил. Джек подумал, что будет лучше перевезти мать в солнечную Калифорнию, где он сможет за ней присматривать. У нее был очень низкий уровень электролитов, она постоянно уставала, и даже обычная прогулка давалась ей тяжело.

В ту ночь окно ее квартиры было открыто, загороженное москитной сеткой. Он убедился, что за ним не следят. Свет с улицы перекрывала высокая густая пальма перед домом. Он не знал, кто живет в квартире № 2, но это не имело значения. Он добьется своего, устранит всех, кто встанет на его пути, и возьмет желаемое. Он будет доминировать, он навяжет свою волю.

Он не сомневался в покровительстве Сатаны, извечного врага Христа и всех сил добра. Пока он поклоняется злу, а его сердце глухо к милосердию, Сатана его защитит.

Перчатки мешали убрать сетку, и одну из них пришлось снять. Перчатки он снимал редко, но сегодня вечером он плохо соображал из-за кокаиновой ломки, и руки не слушались.

Он осторожно убрал сетку, тихо положил ее внутрь квартиры и медленно открыл окно. Снова надев перчатку, он ухватился за подоконник, и двумя по-кошачьи легкими, бесшумными, как шелест переворачиваемой страницы движениями, вскарабкался в квартиру. Оказавшись внутри, он встал на пол и дал глазам привыкнуть к темноте. Быстро сообразив, что квартира двухкомнатная, он заметил бедность, в которой жила Дженни Винкоу, и понял, что попал не туда. И разозлился. Разъярился. Ему всегда было очень трудно совладать с гневом.

Стараясь не шуметь, он на носочках вошел в спальню и увидел спящую под бело-коричневым клетчатым одеялом Дженни Винкоу, ее дыхание было медленным и затрудненным. Убедившись, что она одна, он достал фонарик и осмотрел квартиру. Красть было нечего, не считая, разумеется, души Дженни Винкоу...

У изножья кровати он заметил чемодан и подошел в надежде найти в нем что-нибудь на продажу, — чтобы обратить